

«Грязная бомба» киевского режима: правда или вымысел?

Самой большой новостью последней недели по тематике Украины стало предупреждение Министерства обороны РФ о подготовке киевским режимом крупной провокации: взорвать на украинской территории «грязную бомбу», приписав этот подрыв России. Ряд комментаторов – преимущественно российских – сразу назвал это предупреждение «сенсационным». Вместе с тем многие российские и зарубежные деятели информационного поля отреагировали на сообщения о возможности провокаций с «грязной бомбой» исключительно для того, чтобы подчеркнуть его сомнительность и тривиальность. Соответственно, вопрос о возможных причинах события логично замещается вопросом о правильной интерпретации его содержания.

1. Тема «грязной бомбы» возникла в российском информационном пространстве ещё в начале СВО, в марте, когда Минобороны РФ заявляло о провокационном уничтожении нейтронной установки, находящейся в Харьковском физико-техническом институте. СБУ совместно с «боевиками батальона «Азов»» (это цитата заявления МО РФ, которое содержит фактическую ошибку: «Азов» очень давно переформирован из батальона в полк и включён в структуру Национальной гвардии Украины как обычная военная часть) планировала подорвать экспериментальную установку, обвинив войска РФ в целенаправленном ракетном ударе по зданию Харьковского физтеха. В ходе публичного обсуждения этой гипотетической провокации комментаторы обращались и к теме «грязной бомбы». Однако тогда она была периферийной, и свелась к упоминанию Чернобыльской АЭС как предположительной базе тайной разработки «грязной бомбы» Украиной.

2. Сегодняшняя актуализация темы «грязной бомбы» многими экспертами воспринята как несколько паническая попытка российской стороны переломить внешнеполитический информационный фронт вокруг СВО, который представляется сегодня едва ли не полностью проигранным Россией. Публично доказательства предоставлены не были. Отчасти это объяснимо, поскольку сама проблематика лежит в поле особой, непубличной ответственности и контроля, и информирование по ней осуществляется в ограниченном объёме аналогично информированию о действиях спецслужб или секретных переговорах. Однако заявление о готовящейся провокации получило масштабную информационную раскрутку, во многом выполненную по американским образцам обоснования

интервенций. При этом лишь после того, как представители США и стран Евросоюза отказались признавать достоверность сведений МО РФ, появилась относительно конкретная информация об источниках этих сведений: ими стали показания сотрудников Запорожской АЭС, полученные ФСБ. По каким причинам, при каких обстоятельствах производились допросы, насколько достоверны показания, сколько сотрудников было допрошено, - осталось неизвестным.

3. Остаётся непонятным, почему доказательства по теме «грязной бомбы» в том или ином виде не были предоставлены сразу: недоверие западных государств было легко прогнозируемым, а обосновать это недоверие при наличии хотя бы самого факта доказательной базы, вне зависимости от её качества, было бы гораздо сложнее. Американская модель обвинений в адрес других государств, когда подлинность публично предъявляемых доказательств (см. плёнки Пауэлла) вызывает серьёзные сомнения, а в набор доказательств внедряется наглядная манипуляция (см. пробирка Пауэлла), долго и интенсивно (и обоснованно) осуждалась Россией. Однако модель, выбранная для кейса «грязной бомбы», повторяет американскую в самой примитивной версии. Это очевидно сыграло негативную роль во внешней оценке заявления Министерства обороны.

4. Косвенным показателем того, что к информации Министерства обороны внешние наблюдатели не отнеслись всерьёз, стало отсутствие экономической реакции: спекулятивные институты, биржи и фондовые рынки, как за рубежом, так и в самой России не отреагировали на заявление Минобороны о «грязной бомбы». Это ничего не говорит о достоверности самого заявления, но свидетельствует о низкой убедительности информационной деятельности Министерства обороны.

5. Ситуацию усугубило то, что вместо развёртывания доказательств в публичной плоскости российская сторона предпочла работать в аксиоматической логике. Пресс-секретарь президента РФ Д. Песков выступил всё в том же американском стиле, заявив, что угроза применения Киевом «грязной бомбы» — реальна, верить в неё или нет — дело США, Великобритании и Франции. Проблема достоверности таким образом была заменена проблемой веры.

6. Продолжением аксиоматической логики стали масштабные обсуждения заявления Минобороны РФ в российском информационном пространстве. Само заявление было принято за точку отсчёта, а обсуждение его достоверности было вытеснено обсуждениями деталей и последствий гипотетического подрыва «грязной бомбы» и реакции РФ на эту угрозу. Более того: этими обсуждениями были вытеснены на периферию все другие, «привычные» претензии к Украине, а также не менее «привычные» линии противостояния России и стран НАТО.

7. Контраст между вялой реакцией мировой экономики на заявленную угрозу, отказом США, Великобритании и Франции принимать заявление МО РФ всерьёз, с одной стороны, и демонстрацией серьёзного отношения России к угрозе очевиден. Однако этот контраст характеризует только качество информационного представления темы, а не реальности/надуманности угрозы как таковой. Это качество, повторим, чрезвычайно низко. Заявление МИД РФ о том, что Западу не следует измерять ширину «красной линии», игнорируя предупреждения Москвы о возможной ядерной провокации Киева, прозвучало неубедительно в силу резкого контраста между пафосом разговоров о «красных линиях» и отсутствием действительной реакции на нарушение иных «красных линий», неоднократно обозначенных Москвой ранее.

8. Персональные телефонные разговоры министра обороны РФ С. Шойгу вначале с американским коллегой, а потом и с коллегами из Великобритании и Франции, а также Турции. Во всех случаях темой разговора была «грязная бомба», однако США заявили, что созвон был их инициативой, тогда как во всех остальных случаях инициатором была российская сторона. После звонков никаких очевидных изменений не произошло, однако заметно притихла накалённая ранее обстановка на украинских фронтах, резко снизилась интенсивность российских ракетных (но не беспилотных) ударов по украинским городам. Нет никаких свидетельств того, что между этими событиями и телефонными разговорами С. Шойгу действительно есть связь. Но даже если бы эта связь была очевидной, это не помогало бы понять, каков же всё-таки был итог разговоров: министры обороны стран НАТО убедились в достоверности угрозы и приструнили украинских «прокси» или, напротив, окончательно заверили С. Шойгу, что в историю с «грязной бомбой» не верят, поэтому настаивают на немедленной деэскалации, - каковую деэскалацию отчаявшаяся переубедить западных партнёров Москва и предприняла. Вторая версия представляется маловероятной, но и первая выглядит скорее голливудской, чем реалистичной. Конспирологическая версия (Шойгу прямо заявил западным министрам, что Россия не только знает об их участии провокации, но и без труда докажет это, если они не откажутся от своих планов; в итоге звонки сорвали планы) также вызывает сомнения по той же причине, что и первая: она требует признать способность министров обороны стран НАТО к конструктивным реакциям на объективные факты, а ничто из событий последнего года не свидетельствует в пользу такой способности.

9. Если принять заявление Минобороны РФ о подготовке Киевом провокации с подрывом «грязной бомбы» как достоверное, то возникает ряд вопросов:

- украинской власти доступен полный спектр военных и прочих провокаций, среди которых «грязная бомба» далеко не самая эффективная, поскольку её сложно замаскировать под «чужой флаг»; проще повторить отработанные кураторами Киева из США и Великобритании схемы с химическим или биологическим оружием, нанести удар по приграничным военным объектам в Польше или Словакии, или, наконец, взорвать Каховскую ГЭС (об угрозе взрыва и украинская, и российская стороны говорят уже больше месяца). Во всех этих провокациях западные страны, несомненно, оказали бы Киеву необходимую поддержку, поскольку в случае с ними результат – успешное обвинение России – был бы гарантирован. В провокации с «грязной бомбой» убедительно имитировать российскую причастность сложно; почему же актуализируется именно эта угроза?

- подрыв «грязной бомбы» на собственной территории выглядит странным даже для современной Украины: единственное, на что этот подрыв повлияет, - это сама территория, которая на сравнительно долгое время будет заражена. С учётом предыдущего вопроса, не слишком ли велика цена для провокации без гарантированного эффекта при наличии более эффективных схем?

- удобным местом для подрыва «грязной бомбы» является Чернобыльская зона отчуждения, которая и упоминалась в этом качестве ещё весной. При этом источник сведений – сотрудники Запорожской АЭС. По Чернобыльской АЭС, которую занимали в начале СВО и оставили при отходе из-под Киева и из северных областей Украины, подобных сведений не поступало. Запорожская АЭС находится под контролем России с марта; почему же сведения, почерпнутые из допросов её сотрудников, использованы только сейчас?

- что означает заявление Министерства обороны РФ о приведении в готовность сил и средств на случай подрыва «грязной бомбы» Украиной? Какие конкретно силы и средства предусмотрены на этот случай, если предполагается провокационный подрыв на украинской территории, и почему они приведены в готовность именно сейчас, ведь сотрудники Запорожской АЭС не обладают информацией о временном диапазоне предполагаемой провокации: они могли сообщить только о возможных проводившихся работах в этом направлении?

- история с провокацией в Харьковском физтехе, которая звучала в начале СВО, завершилась заявлением главы МАГАТЭ о том, что нейтронная установка, которая и была объектом предположительной провокации СБУ (а по заявлению самой СБУ – мишенью российских обстрелов), уничтожена. Как уничтожена, каковы результаты этого уничтожения, глава МАГАТЭ не

уточнял. МО РФ, заявлявшее о подготовке этой провокации, в дальнейшем тоже никак эту тему не освещало. Если тогдашняя актуализация темы ядерной провокации завершилась ничем, то не повторится ли ситуация?

10. В то же время есть целый ряд аргументов в пользу достоверности озвученной Министерством обороны РФ угрозы:

- украинские публичные деятели (например, бывший редактор «Форбс-Украина» М. Кухар) неоднократно поднимали тему «грязной бомбы», предлагая президенту Украины Зеленскому применить её вместо ядерного оружия против Москвы;

- вопреки технической бессмысленности этого замысла сама идея использования «грязной бомбы» для террора и шантажа (в военных целях она бесполезна) не чужда и украинскому истеблишменту: намерения вернуться при помощи «грязной бомбы» в ядерный клуб созвучны предвоенным заявлениям Зеленского о скором завершении Украиной работ по получению собственного ядерного оружия;

- программа «ограниченной ядерной войны», предложенная американским военным экспертом Германом Каном в конце пятидесятих годов XX столетия, до сих пор не свёрнута: США сейчас ускоряет развёртывание в Европе новой ядерной бомбы B61-12 для замены устаревших образцов, и провокация с «грязной бомбой» может в теории стать достаточным поводом для запуска сценария ОЯВ;

- все технические условия для создания «грязной бомбы» у Киева есть, недостатка в отработанных ядерных отходах нет благодаря всё тем же АЭС.

11. В то же время несложно увидеть, что все аргументы в пользу реальности угрозы провокации с «грязной бомбой» носят скорее умозрительный и спорадический характер, тогда как ответы на возникающие к заявлению МО РФ вопросы не представляются очевидными. Относительно убедительным представляется сценарий, обнародованный РИА Новости: подготовка – на основе ракеты комплекса «Точка-У» - специалистами «Южмаша» муляжа ракеты комплекса «Искандер», начинённого радиоактивным материалом, и имитация поражения этого муляжа силами украинской ПВО над зоной отчуждения Чернобыльской АЭС с последующим обвинением России в нанесении ядерного удара по Украине. Но этот сценарий, как и остальные аргументы, позволяет лишь утверждать, что Украина может организовать провокацию с «грязной бомбой». Подтверждений же подготовки этой провокации, а равно объяснений её необходимости киевскому режиму, поддержка которого западными государствами и без того растёт, на сегодня нет.